

40 лет он входит к нам без стука

Встреча с патриархом голубого экрана

Надо ли говорить о том, что облик и голос диктора Центрального телевидения Игоря Кириллова знакомы не одному поколению телезрителей? Более 30 лет он был ведущим "заглавной" в те годы информационной программы "Время". Без него не обходились "Голубые огоньки", музыкальные программы в Концертной студии "Останкино", в советские праздники он вел репортажи с Красной площади. Итак, народный артист СССР, лауреат Государственной премии, профессор Игорь КИРИЛЛОВ.

— Игорь Леонидович, как судьба привела вас на "голубой экран"?

— Начну с того, что ушедший год знаменателен для меня сразу несколькими датами. Мне стукнуло 65 лет, из которых 40 я проработал на ТВ. Еще вместе с коллективом я отметил 10-летие "ВИДа". А 1 января исполнилось 30 лет со дня выхода программы "Время". В эти даты укладывается вся моя жизнь.

А в 1957 году, когда я пришел на телевидение, мне очень хотелось стать режиссером. И все вроде бы складывалось как надо, — мне доверили должность помощника режиссера музыкальной редакции. Но телевидению потребовался мужчина-диктор. Пригласили участвовать в этом конкурсе, и я неожиданно победил. Самое страшное, что в этот же день, через три часа, я уже должен был выйти в эфир, не зная азбучных истин этой профессии. Меня, если так можно сказать, вытолкнули на экран. Вскоре был запущен первый искусственный спутник Земли, и через 20 минут после того, как Юрий Левитан по радио объявил об этом событии, я выступил с тем же сообщением по телевидению. Но неожиданно попав в эту профессию, я безумно ее полюбил и приговорил себя к тому, чтобы всю жизнь быть "на виду".

— Помните, чаще всего сообщения о пленумах ЦК партии и решениях Политбюро "озвучивал" именно Игорь Кириллов. Вы были хоть как-то близки к сильным "того" мира?

— Это серьезное заблуждение многих телезрителей. Наоборот, старался всегда исповедовать швейцарский принцип — быть подальше от начальства. Никогда ни с одним из членов политбюро лично не встречался. И даже моя единственная попытка взять коротенькое интервью у генерального секретаря Брежнева окончилась неудачей.

— Как это было?

— Тогда Леонид Ильич после встречи с президентом США Никсоном прилетел во Внуково. Ну и мне захотелось спросить: "Что вы ощущаете сейчас, когда вернулись на родную землю после такой исторической встречи?" Ведь холодная война была еще в разгаре, и мы действительно надеялись, что встреча лидеров двух стран как-то смягчит эту напряженность.

Эту улыбку знают все.

Вроде и согласован был мой вопрос, но в решающий момент меня крепко обхватил товарищ из охраны, встал ногой на кабель от микрофона, и я не мог даже двинуться с места. Уже по инерции крикнул: "Леонид Ильич!" Генеральный ищущим взглядом повел в сторону корреспондентов. Я еще раз крикнул: "Леонид Ильич!.." После этого меня еще крепче схватили за руки и твердым голосом сказали: "Молчать!" Потом я узнал, что во время полета Леонид Ильич пообедал и немного перехвятил коньячку. Поэтому окружение, видимо, еще и поэтому решило: пусть генсек лучше молча пройдет мимо встречающих.

— Вы всегда были вполне согласны с решениями партии и правительства, о которых сообщали с экрана? Никогда не возникало желания как-то прокомментировать их или вообще отказать читать?

— Сомнения — и очень серьезные, — конечно, были. Особенно после того, скажем, как началась афганская эпопея. И не только у меня, но и у коллег-дикторов, редакторов. Это было очень тяжелое время. Когда о нем вспоминаю, то чувствую и свою вину.

Что касается отказа читать... Помню, принесли важное и очень сложное сообщение, насчитывающее более 20 строк, — всего с одной точкой. Можете представить себе, что это была за фраза? Я предложил заместителю главного редактора Диме Бирюкову просто разбить информацию на три предложения. Он согласился. Но тут же решил подстраховаться и ушел кому-то звонить по "вертушке". Приходит бледным и говорит: "Как хорошо, что мы с тобой эту глупость не сделали". Оказывается, два отдела — в ЦК партии и МИДе три месяца работали над этой формулировкой. Представьте себе, если бы мы позволили после этого редактирование...

В прямом эфире напряжение, конечно, колоссальное! После

окончания "Времени" ощущение было такое, как будто ты пробежал марафонскую дистанцию. Хотелось просто посидеть и помолчать...

— А расслабиться за рюмкой?.. Одна из ваших коллег по секрету сообщила, что если кто из мужчин лишнее в этом плане себе позволял, — это ЧП. Тут же собрание, разборка...

— У нас были разные случаи. Беда в том, что сильные осветительные приборы могли человека, выпившего 50—100 граммов, довести до состояния, когда он переставал соображать. Так что подобное "расслабление" на телевидении могло закончиться плачевно.

— А какие у вас увлечения?

— Моя страсть — автомобиль! Иду по улице и не пропускаю ни одной машины. Мой водительский стаж 45 лет. Отношения с ГАИ нормальные. Не потому что они меня узнают — просто стараюсь правил не нарушать. Ну разве что скорость превышу, но на то всегда есть свои причины.

— Трудно поверить, что инспектора ГАИ не дают вам каких-то послаблений.

— Те, кто часто появляется на экране, становятся для зрителей добрыми знакомыми. На улице люди часто здороваются со мной, я им с удовольствием отвечаю. Однажды, правда, стал жертвой своей известности. Как-то во время первомайской демонстрации вел репортаж с Красной площади. День был не по-весеннему жаркий. А на трибунах — очень много гостей. Они обступили меня с просьбой дать автограф и так сдавили, что я потерял сознание. Операторы вынесли меня оттуда...

Бывали и курьезы. Запомнилась одна съемка на ВДНХ. Это в самом начале моей работы в эфире. Я в то время был убежден, что все должны меня любить. Рядом стояли две женщины, и одна говорит другой: "Как мне этот Кириллов не нравится, вот Балашов — совсем другое дело". После этого я стал более сдержанно сам к себе относиться.

— В свое время ваше участие в создании молодежной программы "ВИД" многим показалось неожиданным.

— Было это в 1990 году. Прошло несколько месяцев, как я закончил работу в программе "Время" и занялся преподаванием в институте повышения квалификации. Но тоска по эфиру была ужасная. И вдруг ко мне приходят Саша Любимов, Андрей Разбаш, редактор Оля Мельниченко и приглашают во "Взгляд". Я, признаться, поначалу растерялся. Но авантюрный характер заставил согласиться на это предложение. Что было — трудно передать! Сегодня вспо-

минаю об этом с улыбкой, но тогда пришлось сильно переживать. Меня не приняло большинство телезрителей, особенно старшего возраста. Об этом писала печать, было немало гневных писем.

— Еще бы! Десятки лет люди привыкли видеть Кириллова в строгом костюме, а тут вдруг...

— Вот именно. Но дело не только в костюме. Тогда менялись наши представления и взгляды на жизнь. Люди, привыкшие к тому, что я десятки лет озвучивал мысли членов политбюро, не могли привыкнуть к тому, что Кириллов имеет свои собственные суждения, да еще делится ими с экраном. Однако прошло какое-то время, и я стал получать совершенно иные письма. Люди поняли, что я появился на этом канале не ради того, чтобы на глазах у всех продемонстрировать смену политических убеждений. Боже упаси, я ничего не менял. Просто хотел попытаться стать неким "связующим звеном" между поколениями...

— Трудно удержаться от вопроса о Владе Листьеве. Кем он был для вас?

— Четыре года нашей совместной с Владом работы вспоминаю с радостью. Это был на удивление светлый, чистый и трогательный человек, высочайший профессионал. Вы посмотрите, каким успехом на телевидении пользуются его программы. Как человек он был добрым и мягким, требовательным и внимательным. Сам работал по 20 часов в сутки и других заставлял. Хотя Влад годился мне в сыновья, я, особенно в последнее время, разговаривал с ним как со старшим...

— А что скажете о сегодняшнем ТВ? Приведем мнение народного артиста России Анатолия Кузнецова, которым он поделился с газетой "Труд": "Тощо становится от того, как ТВ относится к нам, телезрителям". Вы согласитесь прокомментировать эти слова?

— А я просто с ними согласен. Любое государство зиждется прежде всего на труде — крестьян, рабочих, инженеров, учителей... И не уважать их до такой степени, как сейчас... Как можно игнорировать их интересы? Я не ханжа, но, скажите, что полезного несут обществу демонстрируемые сегодня по телевидению фильмы и многие передачи? Они, скорее, возбуждают животные интересы. Ни в одной стране мира это не допускается на государственном телевидении.

— Давайте в заключение переклещимся на что-нибудь более приятное. Ну, например, на вашу семью — говорят, вы одиознолюб?

— У меня жена одна. Первая и последняя. Ирина Всеволодовна, в девичестве Полякова. Мы с ней знакомы с 1943 года, жили в Москве в одном дворе. Через десять лет после знакомства я решил на ней жениться. Вот уже 44 года как мы вместе. У нас дочь и сын. Анна — пианистка, но работает с мужем, оперным певцом, по контракту в Германии. Здесь, на родине, работы для них, к сожалению, не оказалось... А сын Всеволод и его жена Ольга тоже на телевидении. Ирина Всеволодовна, кстати, 33 года была звукорежиссером на ТВ, сейчас на пенсии.

— Игорь Леонидович, вы много лет читали различные официальные пожелания народу с экрана телевизора. А что бы хотели сказать сегодня читателям "Труда" от себя лично?

— Доброго всем здоровья, терпения, чтобы переносить неизбежные ныне тяготы жизни. Верю: Россия еще заживет по-человечески. Дай Бог, чтобы это произошло побыстрее, при нас, с нашим участием.

Беседу вели
Герман ЕГОРОВ
и Владимир КНЯЗЕВ.